Скопин (2)

Вологодской губернии.

Прикажи, сударь-хозяин, Скопина просказать,
Скопина князя Михайла Васильевича!
Снаряжается Скопин в каменну Москву,
В каменну Москву, да и во шведскую,
Во шведскую да во немецкую.
Ему матушка наказывала,
Молода жена наговаривала:
«Не езди, Скопин, в каменну Москву,
Не водись с князьями, боярами,
Со всею поленицею удалою,
Со Малютвой дочерью Курлатовой,
С Курлатовой-Щербатовой,
Князя Дмитрия Петровича Шустовой женой».
Скопин своей матушки не слушает;
Он сам выходит на красно крыльцо,
Он сам говорил таково слово:
«Есть ли у меня млады конюги,
Млады конюги, с подканюшниками?
Походите на конюшну белодубовую
По любимого по бахманца,
Седлайте в седло черкайское,
Уздайте уздою тесмянною,
Подтягивайте подпругами шелковыми
Белого шелку шамахайского,
Застегивайте пряжками булатными
Не для-ради басы, ради крепости,
Ради крепости богатырския!»
Сходил Скопин со красного крыльца
Со того крыльца княжеского,
Садился Скопин на доброго коня
На любимого на бахманца,
Поехал Скопин с широкого двора,
Он плеткой помахивал,

Золотой уздой побрякивал.
Приехал Скопин в каменну Москву
На ту площадь Красную
К тому собору Успенскому;
Скумился с кумой крестовою
Малютвою дочерью Курлатовой,
С Курлатовой-Щербатовой,
Князя Дмитрия Петровича Шустовой женой.
У князя у Владимира
Был весел пир на радости.
Ах, белой день ко вечеру,
Ах, солнышко катится ко запа́ду.
До полусыта бояра наедалися,
До полупьяна напивалися,
Между собой расхвасталися.
Первой-ет боярин хвалится,
Он хвалится, похваляется:
«У меня много золотой казны».
Второй боярин хвалится,
Он хвалится, похваляется:
«У меня много скатного жемчюга».
Еще боярин хвалится,
Он хвалится, похваляется:
«У меня много добрых коней».
Помолчавши, Скопин слово выговорил:
«Еще, пищики, бояра, послушайте:
А кто де Москву приочистил всю,
Кто поделал улочки широкия,
Переулочки чистыи?»
За беду боярам слово показалося,
За досаду куме объявилося,
Сама говорила таково слово:
«Позабыла я, кума, поподшивати,
Поподшивати, почествовати».
Еще говорила таково слово:
«Где вы, слуги мои верные?
Скоро-борзо походите во питейной кабак,
Вынимайте мой золотой кабан,
Невелик, немал, в полтора ведра вина;

Влейте ведро зеленого вина
Да полуведро зелья лютого,
Поднесите бакал Скопину-князю!»
В середи чары огонь горел,
По краям чары ключи кипят.
Принимает Скопин единой рукой,
Выпивает Скопин на единой дух:
Как тут ясныя очи замутилися,
Белыя ручки опустилися,
Резвыя ножки подломилися,
Загорелося ретивое сердце, —
Садился Скопин на доброго коня
Не по-старому, не по-прежнему.
Как издалече-далече, из чистого поля
Завидела его матушка,
Сама говорила таково слово:
«Не кума ли тя, дитятко, учествовала?»
Через три часа Скопин представился.
Мыли его тело белое
Тремя водами ключевыми;
Пеленали его тело белое
Во ту фату мелкотравчату;
Клали его тело белое
Во ту колоду белодубову;
Выносили его тело белое
Ко свету Михаилу Архангелу
Во ту церковь соборную;
Хоронили его тело белое
Со всеми попами со дьяконами,
Со всеми протопопы и архимандритами.

(Списана г. Н. Ординым в Сольвычегодском у., из старой рукописной тетрадки. Напечатана в «Живой Старине» 1890 г., Вып. I, отд. II, стр. 3-5)

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград, 1915.